

А. В. ШАМАНАЕВ

**ПРОЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ ИЗУЧЕНИЯ И ОХРАНЫ ХЕРСОНЕССКОГО ГОРОДИЩА
ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ (1887 г.)**

Для истории изучения Херсонесского городища 1888 г. является одной из наиболее значимых дат. С этого года археологические раскопки памятника, а также его охрана полностью перешли в ведение Императорской Археологической Комиссии (ИАК), курировавшей эти вопросы до 1919 г. [Стоянов 2009: 522–555]. До 1888 г. ведущую роль в изучении и сохранении памятника играло Одесское общество истории и древностей (ООИД). В 1876–1886 г. эта организация осуществляла раскопки на городище, в 1887 г. исследования, формально, курировались совместно ООИД и ИАК [Юргевич 1886: 57–58; Иванов 1912: 173–174; Гриневич 1927: 18–23; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 25–26; Тункина 2002: 256–280, 533–534].

Деятельность ИАК в Херсонесе, продолжительная по времени, масштабная по объему выполненных работ и научному значению полученных результатов, давно привлекает внимание исследователей. В многочисленных статьях, разделах ряда монографий, рассмотрены различные аспекты организации и методики археологических раскопок, развития системы охраны памятника, взаимодействия ИАК с военным ведомством, представителями церковных структур и т. д. [см. напр.: Бобринский 1905: 178–184; Иванов 1912: 174–178; Гриневич 1927: 23–40; Якобсон 1959: 11–14; Романчук 2000: 16–22; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 24–42; Стоянов 2009: 522–555; Калиновский 2012: 157–224].

Особое внимание исследователи уделили истории перехода Херсонесского городища под контроль Императорской Археологической Комиссии, после чего, по словам Е. Э. Иванова, наступил «цветущий период херсонесских раскопок» [Иванов 1912: 175]. Стоит отметить, что уже в начале XX в. начала формироваться традиция противопоставления исследовательских практик Одесского общества истории и древностей и Императорской Археологической Комиссии. Так, А. А. Бобринский (председатель ИАК в 1886–1919 г.) считал, что до 1888 г. все раскопки и охрана памятника осуществлялись на низком

научно-методическом уровне [Бобринский 1905: 177–178]. Е. Э. Иванов указал на ошибки ООИД, проявившиеся в плохой организации работ и надзора за ними, утрате ценных находок, отсутствии стратегии исследований. К заслугам ИАК он отнес планомерность работ, их масштабность, высокий уровень организации и методики археологических исследований [Иванов 1912: 173–176].

Другой поход к оценке деятельности ООИД и ИАК в Херсонесе представлен в книге К. Э. Гриневича. Он дал характеристику, как достижений, так и проблем, сопровождавших археологические раскопки этих организаций, попытался установить причины успехов и неудач. К. Э. Гриневич оценил работы ООИД как время первых «систематических раскопок Херсонеса» и отметил, что «общая линия подхода к раскопкам городища была взята совершенно правильно» [Гриневич 1927: 18]. При рассмотрении деятельности ИАК, исследователь отметил отсутствие на начальном этапе плана работ, «разбросанность» по городищу объектов изучения, децентрализованное хранение находок [Гриневич 1927: 24–40]. В целом, он выявил схожие проблемы ООИД и ИАК, и не отметил существенной разницы в методике исследований.

Позже, А. Л. Якобсон, дал негативные оценки деятельности как ООИД, так и ИАК. Работы Одесского общества он считал антинаучными во всех отношениях. Менее категорично ученый высказался об исследованиях Императорской Археологической Комиссии. Однако его суждения о заведующих раскопками демонстрируют представления исследователя о низкой научной квалификации археологов. Так, о К. К. Косцюшко-Валюжиниче он писал как о дилетанте, который не понимал «самых элементарных требований методики раскопок» и пренебрегал этими требованиями; Р. Х. Лепер — не уделял должного внимания раскопкам, не писал отчеты; Л. А. Моисеев — «мало проявил себя как в научном, так и организационном отношении» [Якобсон 1959: 13–14].

Суждения о деятельности ООИД и ИАК в Херсонесе, сложившиеся к середине XX в.,

были пересмотрены в 1990–2000-х гг. В частности, А. И. Романчук, полагает, что исследования ООИД не имели существенного научного значения. В тоже время, раскопки ИАК, хотя и не были «систематическими и планомерными», но их основными недостатками были «отсутствие детальной фиксации и паспортизации находок» [Романчук 2000: 15, 17, 22]. Близкая точка зрения, но с менее категоричными оценками, представлена и в коллективной монографии С. Б. Сорочана, В. М. Зубаря, Л. В. Марченко [Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 24–42].

Необходимо отметить, что публикация фундаментального исследования по истории Императорской Археологической Комиссии позволила кардинально изменить представления о деятельности этой организации [Императорская Археологическая Комиссия 2009]. Один из разделов монографии посвящен вкладу ИАК в изучение и сохранение Херсонесского городища [Стоянов 2009: 522–555]. Р. В. Стоянов, полагает, что исследовательская и административная работа, проделанная ИАК, привела к тому, что Херсонес стал наиболее изученным античным центром Северного Причерноморья, несмотря на серьезные недостатки методики раскопок. Также, Комиссия первой смогла создать «систему мер по охране открытых памятников и сохранению древностей, найденных на территории городища» [Стоянов 2009: 555]. Данная оценка, конечно, не исключает продолжения дискуссии о деятельности ИАК в Херсонесе. В целом, исследование Р. В. Стоянова, насыщенное большим фактическим материалом, и дающее целостное представление о работах ИАК на памятнике, показывает необходимость и перспективность дальнейшей разработки вопросов истории археологических исследований и организации охраны Херсонесского городища.

Как было показано выше, одним из обсуждаемых в научной литературе, является вопрос о системности и планомерности исследовательских работ на памятнике как ООИД, так и ИАК. В связи с этим, важным можно признать выявление документальных источников, характеризующих подходы к решению этих проблем организаторами раскопок. Судя по всему, наличие «программы» исследований ИАК в Херсонесе, впервые отметил А. Л. Якобсон, на основании опубликованного отчета Императорской Археологической Комиссии за 1888 г. [Якобсон 1959: 11]. Позже, А. И. Романчук привела несколько положений из рапорта А. А. Бобринского Министру Императорского Двора (1887), в котором речь идет о необходимости разработки плана и системном подходе к ор-

ганизации исследований [Романчук 2000: 16–17]. К сожалению, выявленные материалы позволяли говорить только о нескольких общих принципах деятельности ИАК в Херсонесе: продолжение систематических раскопок, организация музея и мер по охране памятника [Доклад 1891: ССV–ССVI].

Р. В. Стоянову удалось выявить наличие целостного плана изучения и организации охраны Херсонесского городища Археологической Комиссией в Рукописном архиве Научного архива Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург), а также опубликовать основные положения этого проекта [Стоянов 2009: 527]. Данный документ представляет собой рапорт старшего члена ИАК (с 1876 по 1894 г., с 1894 по 1900 г. — товарища председателя Комиссии) Владимира Густавовича Тизенгаузена (1825–1902) Министру Императорского Двора (1882–1894) Иллариону Ивановичу Воронцову-Дашкову (1837–1916) от 27 июля 1887 г. [НА ИИМК РАН, РА: ф. 1, 1887 г., д. 22, л. 34–36 об.]. Подробный анализ положений этого плана позволяет лучше понять принципы деятельности ИАК в Херсонесе в конце 1880-х — начале 1890-х гг.

Изучение рапорта В. Г. Тизенгаузена 1887 г. представляет интерес в сравнении с аналогичным документом Одесского общества истории и древностей 1876 г. Несмотря на сложившееся у ряда исследователей мнение об отсутствии у ООИД системного подхода и планомерности исследований Херсонеса, документальные материалы свидетельствуют о существенно иной ситуации. В фондах Государственного архива города Севастополя сохранилось извещение ООИД от 6 марта 1876 г. на имя настоятеля монастыря игумена о. Анфима (Казимирова) с изложением программы исследований памятника и план мер по организации его охраны [ГАГС: ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 21–21 об.; Шаманаев 2012: 215–222]. Сравнение двух проектов исследовательской и охранной работы (1876 и 1887 г.) дает важную информацию для понимания развития этих направлений деятельности российских археологов XIX в.

Рапорт В. Г. Тизенгаузена был подготовлен в ответ на запрос министра Императорского Двора от 27 июня 1887 г. о мерах по обеспечению сохранения Херсонесского городища, в связи с известным обращением главы Московского археологического общества П. С. Уваровой (1840–1924) к Александру III от 5 июня 1887 г. [НА ИИМК РАН, РА: ф. 1, 1887 г., д. 22, л. 34; Стоянов 2009: 526].

Судя по всему, при подготовке рапорта В. Г. Тизенгаузен ориентировался на заключение министра народного просвещения И. Д. Де-

лянова (1818–1897), подготовленного совместно с обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым (1827–1907) и помощником председателя Русского археологического общества А. Ф. Бычковым (1818–1899). Этот документ был выполнен по распоряжению императора и содержал оценки фактам, изложенным в письме П. С. Уваровой, а также предложения по изменению ситуации в Херсонесе [ГАГС: ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 286–289]. Кроме того, В. Г. Тизенгаузен обратился за консультациями к известным специалистам — Н. П. Кондакову (1844–1925), И. И. Толстому (1858–1916), предложения которых были учтены при подготовке рапорта [письмо И. И. Толстого от 9 июля 1887 г. см.: НА ИИМК РАН, РА: ф. 1, 1887 г., д. 22, л. 28–29 об.].

Наиболее пространной частью документа является параграф, посвященный археологическим исследованиям памятника. Общая цель проекта В. Г. Тизенгаузена заключалась в том, чтобы «Ежегодно производить систематические раскопки, часть которых будет обращена на исследование города, с целью расчистить улицы, площади и вообще определить топографическое положение древнего Херсонеса, другая — на исследование тамошних древних могил» [НА ИИМК РАН, РА: ф. 1, 1887 г., д. 22, л. 34 об.-35]. Как по содержанию, так и по форме эта установка практически не отличалась от той, которую определило ООИД в 1876 г. [ГАГС: ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 21 об.].

Однако, если Одесское общество истории и древностей с 1876 по 1886 г., по крайней мере, формально, было единственным организатором раскопок, то проект 1887 г. предусматривал разделение этой обязанности между ООИД и ИАК. Предполагалось, что эти организации должны разработать «подробный план раскопок». При этом, за Археологической Комиссией закреплялось доминирующее положение, так как Одесское общество могло только содействовать составлению проекта исследований [НА ИИМК РАН, РА: ф. 1, 1887 г., д. 22, л. 34 об.-35].

Необходимо отметить, что фактическое положение, как ООИД во второй половине 1870-х — середине 1880-х гг., так и ИАК в конце 1880-х — 1910-х гг. было существенно сложнее простых формулировок проектов 1876 и 1887 г. На территории Херсонесского городища пересекались сферы интересов монастыря св. Владимира и военного ведомства, которые противоречили целям научного изучения и сохранения памятника. Одесское общество изначально пыталось решить эту проблему путем привлечения к раскопкам, как священнослужителей, так и представителей

военного ведомства. Для этого был создан коллегиальный орган — раскопчный комитет [Отчет 1877: 10]. Однако, если с монастырем удавалось прийти к компромиссу, то военное ведомство практически игнорировало интересы археологов [Бертъе-Делагард 1893: 10]. Археологическая Комиссия также была вынуждена уступать военному ведомству, а отношения с монастырем складывались сложные. Одним из последствий обращения П. С. Уваровой к императору в 1887 г. стал категорический запрет «монашествующим производить раскопки» [ГАГС: ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 294–294 об.]. Не исключено, что на этом фоне руководство ИАК сочло возможным диктовать монастырю свои условия. Первоначально Археологическая Комиссия пыталась заставить монастырь ограничить хозяйственную деятельность, разрушительную для культурного слоя памятника. После ряда более или менее острых конфликтов, обитель и Комиссия были вынуждены пойти на взаимные уступки и документально зафиксировать в 1896 г. принципы сосуществования на городище монахов и археологов [Шаманаев 2009: 5–15; Калиновский 2012: 166–185].

В конце параграфа, определявшего цель и порядок организации раскопок Херсонеса, был затронут вопрос о финансировании исследований. Археологические работы В. Г. Тизенгаузен оценил в 4000 руб. в год, не считая жалования сторожу — 500 руб. ежегодно [НА ИИМК РАН, РА: ф. 1, 1887 г., д. 22, л. 34 об.-35]. Документ не содержит каких-либо расчетов, обосновывающих эти суммы. Возможно, они были определены исходя из нескольких обстоятельств. Одесское общество истории и древностей получало 1000 руб. в год на проведение исследований и меры по охране городища из средств Святейшего Синода (с 1876 по 1881 г.) и Министерства народного просвещения (с 1882 по 1885 г.) [ГАГС: ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 21; Гриневиц 1927: 22]. В докладной записке И. Д. Делянова затраты на раскопки, устройство музея и содержание сторожа были определены в пределах 3000–5000 руб. в год. [ГАГС: ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 286 об.-287]. И. И. Толстой в письме В. Г. Тизенгаузену от 9 июля 1887 г. рекомендовал указать в докладной записке на имя министра двора, что кроме расходов на раскопки, дополнительного финансирования потребуют содержание музея и реставрационные работы «о чем Комиссией будут составляться особые доклады» [НА ИИМК РАН, РА: ф. 1, 1887 г., д. 22, л. 29]. В. Г. Тизенгаузен предпочел не поднимать вопрос о дополнительных затратах, но прямо связал 4000 руб. именно с производством раскопок [НА ИИМК РАН, РА: ф. 1, 1887 г., д. 22, л. 34 об.].

Фактические объемы финансирования всех видов работ в Херсонесе составляли 2000 руб. с 1888 г., с 1890 г. — 4500 руб., с 1898 г. — 6000 руб., с 1902 г. они выросли до 7840 руб. [Гриневич 1927: 27; Стоянов 2009: 529–532].

Важно подчеркнуть, что еще три параграфа рапорта В. Г. Тизенгаузена были посвящены проблемам сохранения и музеефикации древностей Херсонесского городища, что также сближает документ с проектом Одесского общества истории и древностей 1876 г. Различия между планами отражают в большей степени изменения режима использования территории памятника, чем трансформацию концепции охранной и музейной работы на археологических объектах [ИИМК РАН, РА: ф. 1, 1887 г., д. 22, л. 34 об.-36; ГАГС: ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 21 об.].

Прежде всего, Археологической Комиссии пришлось учесть активизацию строительной деятельности военного ведомства на городище. С этой проблемой столкнулось еще Одесское общество, когда в 1885–1886 гг. военное ведомство начало масштабные работы по укреплению линии береговой обороны Севастополя [Отчет 1886: 9]. Возведение военных объектов наносило невосполнимый ущерб культурному слою памятника, способствовало утрате артефактов [Бертъе-Делагард 1893: 10]. На эти обстоятельства обратил внимание В. Г. Тизенгаузен в своем рапорте, указав, что отсутствие взаимодействия между ИАК и военными «лишило Комиссию множества интересных памятников древности, которые по слухам были найдены при производстве этих работ, ставших известными Комиссии только тогда, когда они уже были окончены» [ИИМК РАН, РА: ф. 1, 1887 г., д. 22, л. 36].

Для предотвращения таких случаев предлагалось «Просить военное ведомство, чтобы оно, в случае возведения каких-либо укреплений в тех местах, своевременно уведомляло Комиссию о таких работах и этим давало бы ей возможность принимать нужные меры к обеспечению таких археологических открытий, которые могут быть сделаны при производстве земляных фортификационных работ» [ИИМК РАН, РА: ф. 1, 1887 г., д. 22, л. 36].

На фоне изменения военно-политической обстановки на рубеже XIX–XX в. Севастополь получил статус военной крепости. В связи с этим в 1890 г. был разработан проект развития оборонительной линии, затрагивавший территорию Херсонесского городища [Крестьянников 2006: 67–70]. К 1906 г. на памятнике были размещены бетонно-земляные артиллерийские батареи

№ 12 и 13 (западная часть), временная батарея пушек системы Кане (восточная часть), минная станция, тоннельные погреба (на берегу Карантинной бухты), караульный дом, склады, шлюпочные сараи. Всего военные объекты занимали 32 десятины (около 34 га) городища. Кроме этого, военное ведомство планировало построить казармы, офицерские флигеля и другие объекты военной инфраструктуры. В целом крепость претендовала на 50,5 десятины (около 54,5 га) на пространстве между Карантинной и Стрелецкой бухтами [ГАГС: ф. 19, оп. 1, д. 37, л. 57–58 об.]. Таким образом, в случае полной реализации этих планов, большая часть памятника оказалась бы застроена военными сооружениями. В значительной степени «разбросанность» раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича была обусловлена необходимостью учитывать деятельность военных инженеров на территории Херсонеса.

Другая проблема, решение которой предусматривал план В. Г. Тизенгаузена, заключалась в организации физической охраны городища. К сожалению, хищения находок и акты вандализма регулярно имели место на памятнике. Одесское общество истории и древностей, монастырское начальство, полиция пытались бороться с этим злом различными методами: разъяснениями значимости херсонесских древностей, угрозами преследования за кражу церковного имущества, привлечением монашествующих лиц к надзору за посетителями и др. [ГАГС: ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 62–62 об., 95 об.; Императорское Одесское общество 1885: 108; Гриневич 1927: 12–15]. В 1880 г. севастопольский полицмейстер назначил урядника для охраны городища [ГАГС: ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 83–84, 151]. Однако, эффективность всех этих мер оставалась низкой.

Археологическая Комиссия планировала «Для охранения развалин, и для устранения раскопок частными лицами построить на месте небольшой караульный домик (для семейного человека) наподобие того, какой по распоряжению Археологической Комиссии построен в Керчи для охранения так называемого Царского кургана... При этом домике на первое время следует построить сарай, для склада в нем громоздких вещей (колонн, надписей, обломков статуй и т. п.), которые могут быть найдены при раскопках» [ИИМК РАН, РА: ф. 1, 1887 г., д. 22, л. 34 об.-35]. Такие объекты существовали в Керчи с 1865 г. [ИИМК РАН, РА: ф. 1, 1864 г., д. 22, л. 18–19]. В Херсонесе вопрос решался в течение нескольких лет после начала раскопок. Первоначально находки хранились в монастырской гостинице и на городской кварти-

ре К.К. Косцюшко-Валюжинича. Только в 1892 г. был построен «Склад местных древностей», который служил для размещения артефактов, библиотеки, лаборатории камеральной обработки материалов, проживания заведующего раскопками [Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 31–32; Стоянов 2009: 536]. К сожалению, создать эффективную систему постоянного надзора в Херсонесе ИАК так и не удалось.

В проекте 1887 г. был рассмотрен вопрос о создании музея на месте раскопок. ИАК планировала «Восстановить на первый раз одну из базилик (например, наиболее сохранившуюся близ новостроящегося собора) на существующем древнем фундаменте, преимущественно из древних остатков... с перестилкою мраморного пола, установкою старинных баз, колонн, капителей и проч. ...Практическое же исполнение возложить на Академию Художеств» [ИИМК РАН, РА: ф. 1, 1887 г., д. 22, л. 35]. Одесское общество в 1876 г. предполагало построить действующий баптистерий из остатков средневековых сооружений городища [ГАГС: ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 21 об.]. Однако, через два года идея была пересмотрена в пользу строительства «Христианского музея» стилизованного под византийскую базилику [Отчет 1879: 9].

На основании письма И.И. Толстого от 9 июля 1887 г. можно предположить, что мысль о реконструкции базилики и использования ее для экспонирования находок была высказана Н.П. Кондаковым. Однако сам И.И. Толстой скептически оценил такую перспективу: «Относительно вообще устройства музея в Херсонесе я нахожусь в великом сомнении. Много хороших вещей, может быть уже *все* лучшие, находятся в музеях, и требовать все это обратно, для сокрытия в захлабленном хранилище, немислимо. Еслиб и нашлись еще *хорошие* вещи, то едва-ли возможно оставлять их под охраной инвалидов сокрытыми от глаз большинства образованной публики (не только большинства, а почти всей). Только в виду того, что могут быть найдены вещи громоздкие или дубликаты, можно ввести в записку пункт, которым опять-таки только факультативно позволял Комиссии устроить местный музей, хотя-бы в базилике, как предлагает Ник.<одим> Павл.<ович>» (курсив — *И. Т.*) [ИИМК РАН, РА: ф. 1, 1887 г., д. 22, л. 29].

Стоит отметить, что Н.П. Кондаков уже 1888 г. поставил под сомнение целесообразность реконструкции храма и предложил разместить музей в нижнем этаже собора св. Владимира [ИИМК РАН, РА: ф. 1, 1887 г., д. 22, л. 65 об.-66]. Еще более решительно против проекта сооружения базилики-музея высказался А.Л. Бертье-Делагард

(1842–1920) в 1890 г. В ответ на запрос председателя ИАК А.А. Бобринского (1852–1927) Александр Львович счел нужным заметить: «В Херсонесе открыто до 25 церквей и не смотря на то говорить о восстановлении какой либо из них можно только очень условно», так как херсонесские памятники такого рода настолько плохо сохранились, что «Все это дает возможность, конечно, построить базилику, отчасти подобную бывшим в Херсонесе, но восстановить, строго говоря, ничего кроме плана, ибо пригодного имеются только фундаменты» [ИИМК РАН, РА: ф. 1, 1890 г., д. 26, л. 115–115 об.].

В итоге Императорская Археологическая Комиссия отказалась от идеи реконструкции базилики и размещения в ней экспозиции. В 1903 г. ИАК приняла решение о строительстве специального музейного здания в стиле модерн и выделении для этого 40000 руб. Однако, из-за начала русско-японской войны и последовавших революционных событий музей так и не был построен. Экспозиция по-прежнему размещалась в помещениях «Склада местных древностей» [Гриневиц 1927: 30–31; Стоянов 2009: 536–540].

Важно подчеркнуть, что отказ от реконструкции одного из открытых в Херсонесе храмов соответствовал передовым представлениям того времени о приоритетности консервационного подхода в сохранении руин архитектурных памятников прошлого. Принципы этого течения были сформулированы в середине XIX в. Джоном Раскиным (1819–1900) и развиты во второй половине столетия Уильямом Моррисом (1834–1896), Джоном Джеймсом Стевенсоном (1831–1908) и др. На практике идеи консервационного подхода широко применялись при реставрационных работах на архитектурных и археологических памятниках Англии, Франции, Германии, Италии и Греции [Jokilehto 2002: 174–188]. Нужно учесть и то, что реализации проекта неизбежно привела бы к утрате подлинного археологического объекта, а научный уровень такой реконструкции был бы низким из-за плохой сохранности памятников.

Проект 1876 г. ООИД и 1887 г. ИАК различаются в решении вопроса о хранении артефактов, полученных при раскопках. Документ 1876 г. закреплял принцип разделения находок на античные и средневековые, а также их распределение между музеем ООИД в Одессе и монастырем св. Владимира в Херсонесе [ГАГС: ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 21 об.]. В 1887 г. В.Г. Тизенгаузен не счел нужным сформулировать позиции ИАК по этому вопросу. Можно предположить, что после решения Александра III передать Херсонес под

патронаж Археологической Комиссии и запрета монастырю принимать участие в раскопках, право ИАК распоряжаться находками рассматривалось как безусловное. Так, епископ Таврический и Симферопольский Николай (М. З. Зиоров) потерпел поражение, когда в 1899 г. попытался добиться передачи культовых предметов из раскопок в монастырь для устройства древлехранилища христианских реликвий [Гриневич 1927: 31–32; Стоянов 2009: 542–543; Калиновский 2012: 186–191]. К сожалению, практика разделения комплексов сохранялась в течение всего времени работ ИАК на городище, но в другом варианте, чем в 1870–1880-х гг. Наиболее ценные предметы пересылались в Санкт-Петербург, как правило, поступая в коллекции Императорского Эрмитажа. Громоздкие вещи, дубликаты, малоценные находки оставались на «Складе местных древностей» [Гриневич 1927: 30].

Таким образом, анализ проекта изучения и охраны Херсонесского городища Императорской Археологической Комиссией 1887 г. и сравнение этого документа с аналогичным планом Одесского Общества истории и древностей 1876 г. позволяет сделать несколько общих выводов. Оба документа декларируют идею систематических раскопок памятника. Однако, как ООИД, так и ИАК были вынуждены приспосабливаться к обстоятельствам (деятельность монастыря св. Владимира и военного ведомства) и проводить исследования на удаленных друг от друга участках, оказывавшихся

под угрозой застройки. Организация охраны памятника воспринималась этими организациями как задача равнозначная научной программе. При этом, проект 1887 г. ориентирован на определение стратегических направлений охранной деятельности, а план ООИД — на решение конкретных проблем. Сходство между проектами просматривается и в подходах к музеефикации результатов раскопок.

Р. В. Стоянов отметил, что руководство ИАК планировало применить в Херсонесе, «керченскую модель» организации научных исследований и охраны памятников [Стоянов 2009: 527]. Изучение плана 1887 г. показывает, что, речь не шла о механическом перенесении системы, апробированной в восточном Крыму. В. Г. Тизенгаузен попытался учесть специфику Херсонесского городища и опыт ООИД. К сожалению, несовершенство законодательства, особый статус Севастополя как военной крепости, сложная политическая обстановка в стране, существование монастыря и собора Св. Владимира, не позволили организовать максимально эффективный комплекс мер для обеспечения сохранения уникального археологического памятника.

В целом, оба проекта соответствуют уровню развития археологии второй половины XIX — начала XX в. и актуальным для этого периода представлениям об организации охраны памятников археологии.

ЛИТЕРАТУРА

- БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД А. Л. Древности Южной России: Раскопки Херсонеса // МАР 12. — СПб., 1893.
- БОБРИНСКИЙ А. А. Херсонес Таврический: Исторический очерк. — СПб., 1905.
- ГРИНЕВИЧ К. Э. Сто лет херсонесских раскопок (1827–1927). — Севастополь, 1927.
- Государственный архив города Севастополя (ГАГС), фонд 19, опись 1, дело 10; 37.
- Доклад о действиях Императорской Археологической Комиссии за 1888 г. // Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1882–1888 гг. — СПб., 1891: ССП–СССXXXIV.
- ИВАНОВ Е. Э. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // ИТУАК 46. — 1912.
- Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин. Под общ. ред. Е. Н. Носова. — СПб., 2009.
- Императорское Одесское общество истории и древностей в 1884 году // ЖМНП 238 (апрель). — 1885: 107–114.
- КАЛИНОВСКИЙ В. В. «Древностей — и замечательных, и интересных, и красивых — непочатый уголок»: Церковное крымоведение (1837–1920) // Библиография крымоведения 18. — Киев-Симферополь, 2012.
- КРЕСТЬЯННИКОВ В. В. Воссоздание крепости «Севастополь» во второй половине XIX — начале XX вв. // Севастополь: взгляд в прошлое. — Севастополь, 2006: 65–72.
- Научный архив Института истории материальной культуры РАН, Рукописный архив (НА ИИМК РАН, РА), фонд 1, 1864 г., дело 22; 1887 г., дело 22; 1890 г., дело 26.
- Отчет Императорского Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1875 г. по 14 ноября 1876 г. — Одесса, 1877.
- Отчет Императорского Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1877 г. по 14 ноября 1878 г. — Одесса, 1879.
- Отчет Императорского Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1884 г. по 14 ноября 1885 г. — Одесса, 1886.

- РОМАНЧУК А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. — Екатеринбург, 2000.
- СОРОЧАН С. Б., ЗУБАРЬ В. М., МАРЧЕНКО Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. — Харьков, 2000.
- СТОЯНОВ Р. В. Императорская Археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин. Под общ. ред. Е. Н. Носова. — СПб., 2009: 522–555.
- ТУНКИНА И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). — СПб., 2002.
- ШАМАНАЕВ А. В. Раскопки Херсонеса и монастырь Св. Владимира: конфликт и компромисс интересов (1895–1896 гг.) // ИНК 24. — Симферополь, 2009: 5–15.
- ШАМАНАЕВ А. В. Проект исследований и охраны Херсонесского городища Одесского общества истории и древностей 1876 г. // Херсонесский сборник 17. — Севастополь, 2012: 215–222.
- ЮРГЕВИЧ В. Н. Краткий очерк деятельности Императорского Одесского общества истории и древностей // ЗОО-ИД 14. — Одесса, 1886: 52–58.
- ЯКОБСОН А. Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА 63. — М., 1959.
- ЖОКІЛЕНТО J. A history of architectural conservation. Oxford, 2002.

А. В. Шаманаев

ПРОЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ ИЗУЧЕНИЯ И ОХРАНЫ ХЕРСОНЕССКОГО ГОРОДИЩА ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ (1887 Г.)

РЕЗЮМЕ

В статье рассмотрен проект организации исследований и охраны херсонесского городища, разработанный в 1887 г. Императорской археологической комиссией (ИАК). Документ был подготовлен товарищем председателя ИАК В. Г. Тизенгаузеном. План ИАК предусматривал: систематические раскопки памятника под руководством Комиссии; организацию взаимодействия с военным ведомством, осуществлявшим строительство военных объектов на городище; привлечение постоянного сторожа к надзору за древностями Херсонеса; по-

стройку склада для находок; реконструкцию одной из раскопанных базилик для размещения музея. Сравнение документа 1887 г. с аналогичным проектом Одесского общества истории и древностей 1876 г. показало наличие общего подхода к решению вопросов организации исследовательских и охранных работ на памятнике. Сопоставление пунктов плана 1887 г. с фактическими достижениями ИАК показывает, что он не был реализован в полной мере.

А. В. Шаманаев

ПРОЕКТ ОРГАНІЗАЦІЇ ВИВЧЕННЯ ТА ОХОРОНИ ХЕРСОНЕСЬКОГО ГОРОДИЩА ІМПЕРАТОРСЬКОЇ АРХЕОЛОГІЧНОЇ КОМІСІЇ (1887 Р.)

РЕЗЮМЕ

У статті розглянуто проект організації досліджень і охорони Херсонеського городища, розроблений в 1887 р. Імператорською археологічною комісією (ІАК). Документ був підготовлений товаришем голови ІАК В. Г. Тизенгаузеном. План ІАК передбачав: систематичні розкопки пам'ятки під керівництвом Комісії; організацію взаємодії з військовим відомством, яке здійснювало будівництво військових об'єктів на городищі; залучення постійного сторожа до нагляду за старожитностями

Херсонеса; будівництво складу для знахідок; реконструкцію однієї з розкопаних базилик для розміщення музею. Порівняння документа 1887 р. з аналогічним проектом Одеського товариства історії та старожитностей 1876 р. показало наявність загального підходу до вирішення питань організації досліджень та охоронних робіт на пам'ятці. Зіставлення пунктів плану 1887 р. з фактичними досягненнями ІАК показує, що він не був реалізований повною мірою.

A. V. Shamanayev

**A PROJECT ON THE STUDYING AND PROTECTION OF CHERSONESOS BY THE IMPERIAL
ARCHAEOLOGICAL COMMISSION (1887)**

SUMMARY

The paper discusses the project on the studying and protection of the ancient city of Chersonesos developed by the Imperial Archaeological Commission (IAC) in 1887. The document prepared by IAC vice-chair Vladimir Tiesenhausen planned: systematic archaeological excavations under the IAC's supervision; cooperation with the military office that organized military buildings at the ancient city area; monitoring of the antiquities in Chersonesos by a per-

manent guard; building of a warehouse for finds; restoration of a medieval basilica for the museum. The comparison of the 1887 document with analogous project by the Odessa Society for History and Antiquities of 1876 indicates that they suggested a common approach to the aspects of the works on research and protection of the ancient city. The collation of the 1887 plan with the IAC's actual achievement show that it was not realised in full.